

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-2Федоров.09

DOI 10.25587/2782-6635-2023-3-5-17

Мастерство Афанасия Федорова – новеллиста

А. А. Бурцев ✉, *М. А. Бурцева*

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию рассказов А. Федорова, которым принадлежит центральное место в наследии писателя. Его жанровая система включает разные формы малой прозы: от бытовых историй до сюжетных новелл, от небольших зарисовок, этюдов очеркового характера до психологических рассказов. Мастерство автора проявилось прежде всего в создании многообразной художественной антропологии, состоящей скорее из человеческих, а не социальных типов. Поэтому в его рассказах нет характерной для социалистического реализма тенденциозности и идеологической ангажированности. Поступки персонажей получают психологическую мотивировку. Новаторством якутского писателя явилось создание инонациональных героев. В поэтике его рассказов ощущается традиция русской литературы: подобно А. Чехову, он стремился через самые простые и незначительные события повседневности показать сложность и значительность жизненных явлений. В целом логика творчества А. Федорова носила индуктивный характер: начав с малых жанров прозы, он постепенно перешел к крупным эпическим формам.

Ключевые слова: жанровая система, автобиографический персонаж, персонифицированный повествователь, инонациональные герои, «моментальные» характеры, морально-этическая проблематика, психологическая мотивировка, обрамляющий пейзаж, «открытые» финалы, индуктивная логика творчества.

Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Мастерство Афанасия Федорова – новеллиста. Вопросы национальных литератур. 2023, №3 (11). С. 5–17. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-5-17

The art of novelist Afanasiy Fedorov

A. A. Burtsev ✉, *M. A. Burtseva*

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of Afanasiy Fedorov's stories, which have a central place in the writer's heritage. His genre system includes various forms of short prose: from everyday stories to plot short stories, from small sketches, sketches of a character to psychological stories. The author's skill manifested itself primarily in the creation of a diverse artistic anthropology, consisting more of human rather than social types. Therefore, in his stories there is no tendentiousness and ideological bias characteristic of socialist realism. The characters' actions are psychologically motivated. The innovation of the Yakut writer was the creation of foreign heroes. In the poetics of his stories, the tradition of Russian literature was felt: like Anton Chekhov, he strove to show the complexity and significance of life phenomena through the simplest and most insignificant events of everyday life. On the whole, the logic of Afanasiy Fedorov's work was of an inductive nature: starting with small genres of prose, he gradually moved on to large epic forms.

Keywords: genre system, autobiographical character, personified narrator, foreign heroes, "momentary" characters, moral and ethical issues, psychological motivation, framing landscape, "open" endings, inductive logic of creativity.

For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. The art of novelist Afanasiy Fedorov. Issues of National Literature. 2023. No. 3 (11). Pp. 5–17. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-5-17

Введение

Афанасий Игнатьевич Федоров за свою короткую жизнь (1926–1959) успел создать более ста рассказов, три повести и несколько пьес. Кроме того, остался незаконченный роман “Волны жизни” («Олох долгуннара»), главы из которого печатались в журнале «Хотугу сулус» в 1959–1960 гг.

Хотя Н. Габышев, автор предисловия к двухтомному изданию «Избранных произведений» А. Федорова (1961–1962), сетовал тогда, что творчество писателя еще не привлекло внимание критики [1], позднее появились небольшое, но добротное исследование Е. В. Федорова [2] и ряд статей о его произведениях [1]. Н. Габышев заметил также, что логика творчества писателя носит индуктивный характер: «За десять с небольшим лет неустанной творческой деятельности он смог обратиться от рассказа к повести, от повести – к роману» [1, с. 3]. Но наиболее полно и ярко А. Федоров проявил свой талант именно в малом жанре.

Во время учебы в Вилюйском педагогическом училище А. Федоров много читал, в его письмах тех лет часто упоминаются имена А. Пушкина, Л. Толстого, М. Горького, Н. Островского, Ш. Руставели, Э. Войнич. Тогда же он начал пробовать перо. В одном из его ранних писем (от 20 декабря 1944 г.) читаем: «У меня теперь большая охота писать рассказы. Я, конечно, мечтаю быть писателем...». В другом письме более позднего периода (от 12 ноября 1956 г.) он утверждал: «Свою жизнь, каждый ее миг я посвящаю творчеству. Весь смысл моей жизни заключается в этом» [3, с. 199].

Основная часть

Образцом художника слова, непревзойденным мастером прозы А. Федоров считал А. Чехова. Его преклонение перед великим русским писателем получило косвенное отражение в повести «Полярная звезда». Любимым писателем героини этой повести, простой телятницы, был Чехов, и она постоянно повторяла: «Я его как будто видела...» («Мин кинини көрбүт курдукпун...»). В ее воображении Антон Павлович и впрямь входит в ее комнату, «молча, неслышно, словно боясь разбудить спящего ребенка», и ей кажется, что «находясь рядом с ним, стыдишься допустить даже самую толику мысли о плохом, распознаешь себя, выявляешь недостатки и хочешь беспрестанно расти и совершенствоваться» («Кини сымнабастык, бытааннык туттар... уонна утуйа сытар оҕону уһугуннарымаары сэрэнэр киһилии туттан... бу киирэн кэлэр. Кинини кытта сэргэ кыра да куһаҕаны санааххын, саҥарыаххын кыбыстабын») [4, с. 427]. Из якутских писателей своим непосредственным учителем А. Федоров называл Н. Мординова. «У Вас учился я любить прекрасное, учился писать, с раннего детства увлекался Вашими произведениями», – писал он Амма Аччыгыя.

В 1946 г. А. Федоров окончил училище и, как лучший выпускник, получил направление в Якутский педагогический институт, но болезнь помешала ему сразу продолжить образование. Зато после нескольких лет работы учителем в 1949 г. Союз писателей Якутии направил его как многообещающего писателя в Москву в Литературный институт имени М. Горького. Учился А. Федоров успешно, получал стипендию имени Л. Толстого, занимался в семинарах Е. Долматовского по поэзии, В. Катаева – по прозе. Но обострение болезни вынудило его прервать учебу и вернуться на родину.

Тем не менее московский период в жизни А. Федорова стал весьма плодотворным в творческом отношении. Наполненная оптимизмом послевоенная действительность, литературная жизнь столицы, интернациональная студенческая среда не могли не наложить отпечатка на его творчество. Автобиографический герой его рассказа «Наша сила» («Биһиги күүспүт») ощущает себя неотъемлемой частицей советского народа, его переполняет чувство гордости за Москву, столицу могучей державы: *«Разве мощный гул Москвы так просто гул? Это ведь могучий шум одновременного биения сердец всех советских народов... Москва! Москва! Ты зажигаешь сердца миллионов огнем гордости, любви и надежды» («Москва тингини ныйргийэр тыаһа көннөрү тыас диэтэҥин дуу? Ити бары советскай норуоттар биир санаанан тэбэр сүрэхтэрин модун ныйргийэрэ эбээт...Москва! Москва! Эн мөлүһөөннэр сүрэхтэрин киэн туттуу, таптал, эрэл уотунан уматабын»)* [4, с. 67].

Уже в ранних рассказах, созданных в московский период, проявилось искусство А. Федорова в создании характеров. В них появляется автобиографический повествователь, непосредственный свидетель и участник описываемых событий. При его посредничестве буквально несколькими штрихами создаются полнокровные образы. В одном из рассказов (“Странный человек”) его сосед по общежитию студент-первокурсник Боря Тимошин производил странное впечатление: был молчалив, ни с кем не общался, забывал пообедать, ночью вскакивал с постели и куда-то уходил. Однажды рассказчик последовал за ним и застал его у памятника Пушкина. Оказалось, что Тимошин испытывал муки творчества, сочиняя поэму о Пушкине, и именно в эту ночь к нему снизошло вдохновение. Когда он прочитал свою поэму, все убедились, что Тимошин хороший, талантливый человек, поэт-самородок, готовый «единого слова ради» извести «тысячи тонн словесной руды».

В рассказе “Русские люди” («Нуучча дьоно») попутчиками повествователя оказались два человека – молодой и пожилой. Молодой узнал своего школьного учителя Петра Максимовича и разговорился с ним. Он рассказал о том, что едет в Москву получать орден Трудового Красного Знамени за высокий урожай пшеницы. Узнав, что сын учителя погиб на фронте, он от чистого сердца предложил переехать к нему. Когда поезд остановился на станции, Петр Максимович решил выйти на перрон. Он надел пиджак, и оба – молодой человек и рассказчик – застыли от удивления: на его груди сияли золотая медаль «Серп и молот» и орден Ленина. Выяснилось, что Петр Максимович – знатный хлебороб, разработавший свою систему получения высокого урожая в Сибири. Обрамляющий пейзаж в рассказе – *«поля, залитые желтой краской... это спелая пшеница и рожь с налитыми тяжелыми колосьями» («... саһарчы буспут толору астаах сэлиэһинэй эбэтэр оруос бурдук муората буолан, мэндээрийэ түһэр»)* [4, с. 7] – подчеркивает широту души, трудолюбие, скромность «русских людей».

Еще один рассказ – “В одном купе” («Биир купеҕа»), – построенный по такой же простой сюжетной схеме, демонстрирует умение писателя создавать «моментальные» характеры. Одна из попутчиц, молодая девушка Феня, студентка театрального училища имени Щепкина, попросила разрешения завести патефон. Пожилая пассажирка Василиса Михайловна спросила, нет ли у нее пластинки с песнями Сегаловой. Феня сказала, что это ее любимая певица и поставила песню “На берегу” («Кытылга»): *«Нежный, задумчивый голос певицы заполнил купе и, казалось, сквозь окно ворвалась сюда весна с пленяющей сердце соловьиной трелью и запахом роз» («... нарынтан нарын куолас бастаан симиктик, онтон улам дыһэрэйдэн, уунэр саас кэрэтин, сүрэх иэйэр тапталын хоһуйда. Соловей чыычаах саҥа кыната ситэн, күүмэйэ тобуллан, сааскы сарсыарда түннүк анныгар ыллаабытын курдук»)* [4, с. 161]. Когда пластинка кончилась, в купе наступила тишина, все были в восторге. У Василисы Михайловны на щеках выступил румянец. Потом рассказчик спросил: *«Изумительный голос, но почему Сегалова сейчас не поет?»* – *«Про нее я кое-что знаю, – отозвался пассажир с верхней полки. – Сегалова*

училась в Московской консерватории, во время войны она попала в плен к фашистам. Немцы хотели заставить ее петь свои песни, но девушка отказалась. Ее заперли в холодном подвале, в результате она заболела и потеряла голос. На фронте у нас было несколько пластинок Сегаловой, и мы берегли их, как боевое оружие. Бывало, перед атакой заводили патефон и не нужно было больше ни призывов, ни команд. Когда в роте узнали, как фашисты мучили мужественную певицу, все поклялись отомстить им за ее прекрасный голос...» [4]. На очередной станции Василиса Михайловна, попрощавшись с пассажирами, вышла. Только потом они узнали у проводника, что это была Сегалова.

В этих и в ряде других рассказов и очерков А. Федорова отразилось эхо недавно прошедшей войны. Персонифицированный повествователь в своем дневнике описал эпизоды своего отдыха в санатории в Башкирии. Там он познакомился с Изатулой, студентом Самаркандского университета, очень веселым, общительным молодым человеком, который гордился древней культурой народов Средней Азии, рассказывал о выдающихся ученых и поэтах – Авиценне, Улугбеке, А. Навои. Среди отдыхающих была всегда печальная девушка болезненного вида с «холодными темно-серыми глазами» («тымныы болоорхой харахтаах»), появлявшаяся в сопровождении пожилого человека в офицерской форме. Она не понравилась повествователю, хотя Изатула рассказал ему трагическую историю девушки: в восемь лет ее вместе с матерью фашисты угнали в Германию, там мать погибла в лагере, а ее, едва живую, после войны разыскал отец и привез на родину. Оказалось, что Изатула ее любит, а она, вся больная, не хочет быть ему обузой («Из дневника»).

Великая Отечественная война и преемственность поколений нашли отражение в небольшом рассказе «Памятный день» («Үтүө күн»), в котором великолепно передано нескрываемое волнение юной московской школьницы, вступающей в комсомол. Ее отец погиб в 1945 г. под Кенигсбергом, дед, потомственный рабочий, устанавливавший Советскую власть, пришел поздравить внука с этим событием.

Военная тематика присутствует и в цикле зарубежных рассказов А. Федорова. В рассказе «Русский язык» («Нуучча тыла») студент-венгр Геза поведал автору историю своей семьи. Когда ему было двенадцать лет, Венгрия была оккупирована фашистами. Отец погиб в шахте во время обвала, мать еле пережила его гибель. Сестра Агния, которой было девятнадцать лет, состояла в антифашистском подполье. Однажды она принесла газету «Правда», русско-венгерский словарь и сказала, что будет изучать русский язык, чтобы к приходу советских войск, научиться говорить по-русски. Геза тоже стал изучать русский язык. Агния через несколько месяцев уже читала Пушкина и Толстого и даже знала русские песни. Но подпольную организацию раскрыли, и за ней пришли полицейские. Обнаружив словарь и томики Пушкина и Толстого, они грозно спросили Агнию: «Ты изучаешь русский язык?». Она громко заявила: «Да, изучаю!» и запела гимн Советского Союза. В рассказе «Друзья» («Доботтор») повествуется о дружбе советских и румынских студентов. Во время войны одного из них, Симона, фашисты бросили в застенки, а на спине его старого отца вырезали пятиконечную звезду.

В целом ряде рассказов якутский писатель откликнулся на международные события, в частности такие, как корейская война 1950–1953 гг. Тогда СССР, а также КНР оказывали военную помощь Северной Корее, а США и их союзники поддерживали Южную Корею. Как стало известно в последнее время, среди советских военных советников и специалистов, сражавшихся на стороне Северной Кореи, были и якуты. Это обстоятельство нашло отражение в сюжете рассказа «Солдатский подарок» («Саллаат бэлэбэ»). Тяжело раненый солдат-якут перед смертью подарил своему другу Ги Юну хомус. Позднее Ги Юн приехал учиться в Москву, познакомился с якутской студенткой Надей и в знак своих чувств подарил ей эту дорогую для него реликвию: «Надя поднесла инструмент ко рту и по парку поплыли тихие, задушевные звуки, полные грусти... Ги Юну показалось, что она вдруг нежно коснулась пальцами его сердце и оно запело, заиграло невидимыми струнами свою единственную неповторимую мелодию» («Хомус тыаһа

ийээн-туойан, уол этин сааһынан ингэн киирэн, сүрэжин билииргэ дылы буолла. Хомус буолбатах, харана салгынгна биллибэт струналар тардыллыбыттарыгар сүрэх ыраас бабарыыта оонньууругар дылы...») [4, с. 73].

В рассказе “За мир” («Эйэ иһин») раскрываются черты корейского национального характера. У студента из Кореи Ман Ира во время войны погибла подруга Пей Сю. Он просит своего якутского друга Семена никому не говорить о его потере: *«Я не люблю, когда меня жалеют. Не надо ничего говорить. Я даже тебе не хотел говорить о Пей Сю. Боялся, ты начнешь жалеть меня». Теперь Ман Ир стремится вернуться домой, чтобы защищать родину. Семен рассказывает ему о своем народе, о гибели отца в Отечественную войну и говорит: «Борьба за родину не обходится без жертв»* [4].

Необыкновенное мужество демонстрирует восьмилетний мальчик Иль Ир, герой рассказа “Возле храма”. Во время американской оккупации Кореи его отец и старший брат погибли. Он с матерью и еще одной женщиной спрятались в буддийском храме. У них два дня не было ни крошки во рту. Когда мать протянула Иль Иру последнюю рисовую лепешку, он заявил: *«Я голоден, но не буду есть, потому что мужчина, как говорил мой отец, должен прикоснуться к еде только после женщины»* [4, с. 82]. Увидев, что в храм ворвались американцы, мать спрятала сына в темном углу и прикрыла старой одеждой. Один из них приказал женщинам выйти из храма и спросил: *«Есть ли тут мужчины?»*. Тогда Иль Ир вскочил и воскликнул: *«Я мужчина, как мой отец! Вы его убили!»* [4, с. 83].

Тема войны естественно переплетается с пафосом мира. Героиня рассказа “Первое слово” («Маннайгы тыл») Ден Су впервые после войны встретила утро нового дня песней. Ее восьмилетний сын Хва поступил в школу, а сама она устроилась в эту школу уборщицей. Ее муж погиб два года назад. Уходя на войну, он сказал жене, если не вернется, пусть она позаботится о том, чтобы Хва обязательно учился, овладел русским языком, который *«принес им мир и свободу (нуучча тыла биһиэхэ эйэни, көнгүлү аҕалбыта)»*. Ден Су сама тоже учится, и первое слово, которое мать и сын узнали на русском языке, было «мир» («эйэ»). В рассказе “Твое дитя” («Эн оҕон») маленькая якутская девочка Ира, только что познакомясь с буквами, участвует в ответственном деле – она выводит имя отца под воззванием Всемирного Совета о мире. Ира хорошо знает, что такое война: фашисты убили ее старшую сестру Катю, а отца тяжело ранили.

А. Федоров одним из первых ввел в якутскую литературу инонациональных героев. Впрочем, и до него в произведениях якутских писателей встречались представители других наций. Но персонажи Эрилик Эристина от еврея-анархиста Мейера Едлина до командира партизанского отряда татарина Марьяса Искандерова (“Молодежь Марыкчана”), от «сынов революции» казахов Абдукуллы и Мундербекка до героев повести “Волнение” бурятов Бурхалея и Эрбантея, – все же были соотечественниками, а японцы Каомура и Ситояма из повести Н. Якутского “Золотой ручей” были снабжены сугубо отрицательной характеристикой.

Действие нескольких рассказов происходит в зарубежных странах. Так, в одном из них писатель воспроизвел тяжелую подневольную жизнь пакистанских тружеников, жестокие нравы, царившие в этой отсталой стране («Джаган»). Но даже в таких невыносимых условиях находится место для любви бедного ватти (батрака) Джагана и прекрасной Амны. Автор подробно и очень поэтично описал их первую встречу и развитие чувства юноши: *«Сердце вздрогнуло у Джагана, а лицо залила горячая краска. Ему бы убежать куда-нибудь... Но ноги будто вросли в землю, и он не мог отвести взора от лица девушки, такого нежного и приветливого, от ее синих глаз – ласковых и в то же время обжигающих, чуть затененных длинными, пушистыми ресницами...»* («Джаган сирэйэ итийбэхтээтэ, сүрэжэ күүскэ тэптэ. Кини кыыс обо номобон сирэйиттэн, уһун кыламаннарын быһынан сылаас-сылаастык чапчылыччы көрбүт чаалай күүх харахтарыттан... харахтарын араарбакка турда») [4, с. 208]. С этого дня все вокруг изменилось для Джагана. Как будто мир весь посветлел, повеселел... Все говорило только

о ней. По ночам он не мог заснуть. И чуть закроет веки – перед ним встает тонкое девичье лицо, в ушах звенит нежный голос... Кто же она, эта удивительная, прекрасная девушка? (*«Ити кунтэн ыла Джаган харабар аан дойду киэлитэ уларыйда, сэргэхсийдэ...От-мас, кыыс оёо кэрэ бэйэтин эмиэ сана көрөн, чуумпуран иһийбит курдук. Аанньа утуйбакка, уол түүн бэрт өргө диэри эргичигниир, урут билбэтэх дириг ийишилэрэ түөһүгэр көмүөлүү кутуллаллар...Хантан кэлбитэ буолуой ити нарыын-нарын үчүгэйкээн кыыс?»*) [4, с. 185]. Но им не суждено было узнать счастье. Родной дядя выдал Амну за богатого старика, тот сначала сделал ее рабыней, а через несколько лет продал в дом терпимости. Джаган сорвал в саду своего хозяина несколько ананасов для больного друга, за это он был арестован и заточен в лахорскую тюрьму. Там его пытали, обвинив в симпатиях к России и революционной агитации. Последняя встреча героев произошла, когда через два года Джагана и других узников освободил народ, и они продолжили борьбу за свободу. Амна, которой было всего девятнадцать лет, выглядела как старуха, и только на ее «изможденном лице горели еще не потерявшие прелести синие глаза» (*«кини чаалай күөх харахтарыгар сор-мун толбоно көстөр»*) [4, с. 198].

Сюжет рассказа “Красный флаг” («Кыһыл былаах») связан с подготовкой агрессии против Советского Азербайджана. Население приграничного района заставляют тайно по ночам прокладывать дорогу и строить склады для оружия. Многие не выдерживают, валяясь с ног, мертвых оттаскивают в сторону. Драматизм повествования усиливается посредством одушевления природных образов: казалось, *«горы стонут, вздыхают вместе с людьми»* (*«хайалар дьону кытта ынчыктаһар, уһуутаһар курдуктар»*). Молодая азербайджанка Зарифе каждое утро поднимается на гору, чтобы увидеть, как на севере *«трепещет на ветру крошечный, величиной с птичий язык красный флаг»* (*«онно кыһыл былаах, чыычаах тылын саба буолан, тылыбырайа мөхсөр»*). Ее брата Ата, боровшегося за свободу азербайджанцев, живущих в Иране, читавшего Низами, Навои и книги русских писателей, бросили в тюрьму. Ее старую мать Санабуру убили за то, что она не разрешала разрушать дом, через который должна была пройти новая дорога. Несмотря на скорбь, мужественная Зарифе зовет соотечественников на борьбу, и казалось, *«кавказские горы, надев свои белые шапки, застыли в величественной позе, и только их остроконечные утесы, как пики, грозно блестели на солнце»* (*«Кавказ хайалара, үрүн бэргэллэрин кэтэн, иһийэн тураллар, кинилэр уһун синныгэс аһыылара, үөрбэ буолан, күн уотугар сытытык килбэллэр»*). В ответ на призыв Зарифе *«с гор, из оврагов и саклей начали стекаться люди... Вперед! – отозвались горные вершины. – Не бойтесь! – вторили овраги»* (*«хайалар үрдүлэриттэн, хаспахтар, саклялар истэриттэн сүүһүнэн куолас ньиргийдэ. Хайалардыын, хаспахтардыын бары бииргэ кэккэлээн эрэр курдуктар»*) [4, с. 92, 93, 94].

Большинство рассказов А. Федорова посвящены жизни родной республики, самоотверженному труду советских людей. В них нет характерной для социалистического реализма откровенной тенденциозности и идеологической ангажированности. Н. Мординов так отзывался о сборнике “Тракторная дорога” («Айан аартыга», 1957): «Сила книги в том, что рассказы, помещенные в ней, взяты из живой сегодняшней действительности нашего народа. А. Федоров изображает жизнь в движении, в развитии, в борьбе; его произведения – картины живой жизни, живых людей с их достоинствами и недостатками» [5, с. 305].

Уже в первом рассказе молодого писателя “Огородница” («Обуруот үлэһитэ») отразился трудовой энтузиазм простых колхозников. О трудовых достижениях сельских жителей говорится и в рассказах «Даайа», «На восходе» («Күн тахсыта»), «По зову сердца» («Бэйэ тыла»), «Стремление» («Дьулуур»). В них получили воплощение скорее человеческие, а не социальные типы. В “Огороднице” молодая девушка Шура, бригадир огородной бригады, узнав, что ожидаются заморозки, вместе со своими работниками всю ночь топила печки в теплицах, разводила костры вокруг огорода. В какой-то момент

силы ей изменили, она уронила вязанку дров, опустилась на холодную землю и беззвучно заплакала. Автор умело использовал прием олицетворения: Шуре *«показалось, что огородные растения «протягивают» к ней свои зеленые листья и умоляют защитить от этого безбрежного, без единого облачка неба, готового «поглотить» их, и от холодного обжигающего ветра...»* (*«Обуруот аһа ыраахха диэри нэлэһийэн сытар уонна күөх «ытыстарынан» уунан, саҕата суох көмө көрдүүрүгэ, ааттаһарга дылы. Халлаан кылбаччы ырааһыран, субу таннары сатыылаан, Шура обуруотун аһын барытын мэниэстэн кэбиһиэххэ айылаах...»*) [4, с. 17]. Но ее поддержали члены бригады, и совместными усилиями они спасли будущий урожай.

Героиня рассказа «Даайа» вяжет снопы быстрее всех и тем самым хочет обратить на себя внимание Ивана, который работает на жнейке. У него *«глаза черные-черные, волосы кудрявые»* (*«кини хараба хап-хара, баттаба будьурхай»*) [4, с. 107]. Даайа все ждет, что Иван, проезжая мимо, улыбнется ей или скажет что-то приятное. Но он улыбается и шутит с другими девушками. Потом к ним присоединилась городская барышня Тамара, которая тоже очень ловко и быстро вязала снопы. Она постоянно подтрунивала над Иваном, а в работе не отставала от Даайи. Но в конце концов Тамара признала свое поражение, а Иван, у которого *«глаза черные-черные, волосы кудрявые»*, стал чаще улыбаться и ласково смотреть на Даайу.

В рассказе «На восходе» все выпускники школы поехали поступать в институты, только одна Маргарита осталась работать свинаркой в колхозе. Ее отец, участник войны Никанор говорит: «Нет работы хорошей или плохой. Это работники бывают плохие и хорошие». Одноклассник Маргариты Спартак, который поступил в консерваторию в Новосибирске, агитирует ее оставить колхоз и учиться. Но она после первых неудач внедрила новый метод выращивания свиней, стала участницей Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) и собирается заочно учиться на зоотехника.

Молодой охотник Арсен из рассказа «По зову сердца», когда на ферме не стало хватать доярок, на комсомольском собрании предложил послать туда парней. Инициатива, как всегда, оказалась наказуемой, и ему самому предложили показать пример. Арсен согласился, хотя его девушке Лане это не понравилось. На первых порах дело у него не ладилось, как и у Маргариты. Но он тоже творчески подошел к работе, установил новый график кормления коров, особенно в летнюю жару, и добился успеха. Отец Ланы не хотел выдавать ее за Арсена, *«коровьего прихвостня»*, но она проявила характер, стала жить отдельно от родителей, и теперь вечерами они вместе доили коров.

В рассказе «Стремление» молодой бригадир Ефим Токосов без разрешения властей проявил инициативу и в засуху решил построить плотину, чтобы оросить луга. Люди его поддерживали, но дважды быстрое течение реки прорывало плотину. Тем временем Токосова вызвали в правление колхоза и категорически запретили продолжать строительство, а самого решили снять с должности бригадира. Но когда под вечер он вернулся на свой участок, то увидел, что плотина была почти завершена. Вскоре вода хлынула по новому руслу на колхозные поля.

В этих рассказах А. Федоров дает своим героям личностную характеристику, раскрывает их человеческие качества, а не создает традиционные для советской литературы образы передовиков производства. Автор психологически мотивирует поступки своих персонажей, передает их внутренние переживания. Он умеет изображать психологические состояния людей разных возрастов, начиная с детей и кончая стариками. При этом чувства детей и молодежи носят преимущественно позитивный характер, тогда как настроения пожилых героев проникнуты печалью и ностальгией.

В рассказе «Утро» («Сарсыярда») показана радость мальчика Комы, который в первый раз идет в школу, и радость его родителей, гордых за своего сына. Радость и счастье испытывают молодые герои рассказов «Радость» («Үөрүү»), «Я счастлив» («Мин дьоллоохпун»).

В “Рассказе студента” («Студент кэпсээнэ») сначала от лица автора раскрывается психология ребенка, оставшегося круглым сиротой. После смерти матери окружающий его мир внезапно преобразился: *«внутри балагана ... стало трудно дышать», Антону показалось, что «крыша и стены вот-вот обрушатся на него» («Дьиз иһэ түүппэбирэн, кини тыына-быара ыгыллар. Антон санаатыгар дьиз үрдэ, эркиннэрэ үмүрүс гынан, кинини баттыах курдуктар»).* Он *«не выдержал, выбежал наружу, куда-то побежал, в его глазах потемнело, сердце гулко застучало... окружающий балаган лес будто тихо-тихо вздыхал» («Кини тулуйбата. Таһырдыа мүччү көтөн табыста, мээһэ сүүрэн иһэн, тохтуу биэрдэ. Хараба ирим-дырим буолбахтаата, сүрүбэ тин-тин тэптэ»)* [4, с. 12]. Во второй части рассказа уже от имени самого студента Антона, случайно встретившего свою сестру Маню, передается его состояние: *«Внезапно что-то мелькнуло в моем сознании... Исчезла какая-то завеса, и вспомнилось детство... Маня?.. Неужели она?.. Нет, не может быть?!.. В моих глазах окружающий лес, поле как в тумане... Маня! Маня! Сестренка... Ничего больше я не смог сказать» («Эмискэ өйбөр туох эрэ күлүм гынарга дылы гынна... Туох эрэ хахха сыбарыс гынан, обо кэмим өйбөр арылынна. Маня?.. Ама, кини буолуо дуо? Суох, кэбис... Мин харахпар күөх хонуу, тыа долгулдьуһа түһээт, хайдах эрэ хойуу туман курдук силлиһэн, күөгэс гыннылар... Маня! Маня! Эдьиэй... – итинтэн атыны тугу да кыайан булан эппэтим»)* [4, с. 97–98].

Чувство страха, испытанное первоклассником Ромой, детально раскрыто в рассказе “Данное слово” («Бэриллит тыл»), ситуация которого напоминает коллизию новеллы Суорун Омоллоона «Чечески». Мальчик получил задание передать отцу срочное письмо из правления колхоза, но по пути домой заигрался с друзьями и потерял его. Вечером он вспомнил про письмо, но в сумке его не оказалось. Рома решил вернуться и поискать письмо, но было уже темно. Тем не менее ночью, когда все уснули, он вышел на улицу. Ему было страшно, так как путь лежал мимо старых могил и заброшенных жилищ. Мальчику казалось, что *«... кто-то за ним крадется и вот-вот накинется на него»:* *«Санаатыгар, кэнниттэн туох эрэ үөмэн киниэхэ саба түһээри гынар...»* [4, с. 36]. Когда он проходил мимо кладбища, внезапно раздался душераздирающий хохот: *«Hy – hy – hy!»*. Хотя Рома догадался, что это крик филина, от неожиданности *«его сердце готово было вырваться из груди, в висках сильно застучало» («Кини сүрүбэ күүскэ тэбиэлээтэ, икки чабырбайа итийбэхтээн ыгыта тутта»)* [4, с. 37]. Потом он вспомнил историю мальчика десяти лет, который погиб, но не выдал фашистам своего отца-партизана, и бесстрашно продолжил путь. Ему удалось найти письмо и благополучно вернуться домой.

Неподдельное мужество демонстрирует во время охоты на медведя подросток Сеня. В отличие от своего дяди Нифонта, который любил рассказывать о своих охотничьих подвигах, он не растерялся, когда матерый зверь выскочил из берлоги и набросился на его отца Матвея. Тот резким движением всунул ему в рот руку вместе с рукавицей. Сеня быстро вскинул ружье, взвел оба курка и выстрелил с обоих стволов. Медведь с ревом уткнулся головой в снег. Только тогда Нифонт показался из-за груды валежника и, подойдя к распростертому на снегу медведю, заявил: *«Ловко я его уложил – прямо в лоб».* *«Уж молчал бы ты, горе-охотник. Это Сеня попал в лоб медведю», – поправил его Матвей («Охота» – «Булт»).*

Рассказы “Новый дом” («Сага дьиз»), “Новая земля” («Сага сир»), “На восходе” («Күн тахсыта»), “Искры” («Кыымнар»), “Он” («Кини»), «Даайа» проникнуты молодым задором, светлыми чувствами, жадой любви, оптимистическим пафосом. По общему мнению, одним из лучших рассказов А. Федорова является “Долгожданный вечер” («Кэтэһиилээх кизэһэ»), посвященный жизни сельской молодежи. Хотя каждый из героев изображен как прекрасный работник, писателя интересуют не столько их трудовые достижения, сколько человеческие качества. Их личностные взаимоотношения раскрываются на фоне весенней природы: *«Раннюю весну мне почему-то хочется сравнить с подснежником – столько в ней скромного, нежного, необъяснимо-преlestного...»*

Ветви деревьев разбухают, становятся мягкими, почти пыжятся – вот-вот лопнут. Жадная земля, вдосталь напившись воды, нежится в тепле... И все вокруг пахнет свежестью, все улыбается, сверкает. Душа полнится какими-то неясными чувствами, словно кто позвал куда-то...» («Саас кэлиитэ сир-дойду барыта, сага быкпыт ньургунун курдук, нарын-намчы буолар... Лабаалар сымнаан, дыгдаһан, субу тыллан тахсаары торолуһан аххан тураллар. Хара сир, ууну тото иһэн, сымнаабыт... Сир сииктээх сыта тунуйар, тула мичигниир, күлүмнүүр. Туохха эрэ ыгырар, угуйар...») [4, с. 318]. С самого начала в рассказе ощущается голос и проясняется позиция автора-повествователя. Ветеринар Костя любит телятницу Катерину, она же симпатизирует шоферу Гаю, недавно приехавшему из города. Костя и Гай каждый по-своему воспринимают Катерину. В глазах Кости она «свежа, как только что распутившийся цветок» и напоминает «стройную березку», у нее «глаза черные, обжигающие», «он не находит слов, чтобы описать ее... Она нравится ему с каждым днем все больше и больше. И никто не может сказать, волшебная ли кисть природы своими стараниями так украсила Катерину, или только в его глазах становится она все лучше и лучше» («...сыыйа тарпыт курдук, көнө имигэс унуохтаах, уоттаабынан дьөлүтэ көрүтэлээбит, хайдах курдук кыыһый? Костя көрдөбүн аайы, Кэтириис ордук үчүгэй, сатаан этиллибэт кэрэ буолан иһэр. Күн аайы ордук тунсарга дылы. Эбэтэр айылҕа аптаах киистэтинэн, мэлдьи кичэйэн, ситэрэн-хоторон иһэр дуу?») [4, с. 322]. Однажды Катерина молча, пристально и ласково посмотрела на него, и в этот миг ему захотелось прошептать сокровенное, фаустовское: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!». В отличие от скромного, немногословного Кости, веселый, общительный Гай быстро стал первым парнем на селе. Впервые увидев Катерину, он окинул ее «оценивающим взглядом с ног до головы», обратил внимание на «ее белые, словно лебединые крылья, руки, точеную, тонкую шею» и подумал про себя: «А она ничего» («Кыыһы атабыттан төбөтүгэр диэри өрө көрдө... Гай кыыс куба дабыдалын курдук урун харыларын, чочуламмыкка дылы күөкэйбит моонньун көрө-көрө бэйэтигэр «ничего кыыс» – дии санаата») [4, с. 320]. Повествователь явно сочувствует Косте, который питает к Катерине искреннее чувство, Гаю же она просто нравится. Подавленное состояние Кости после объяснения с любимой автор передает посредством системы художественных деталей: «Где-то рядом тоскливо куковала кукушка... Высоко-высоко пролетел потерявший свою стаю одинокий журавль, огласив небо своим скорбным криком...» («Чугас, хаппыт мас чыпчаал мутугар, кэбэ күөмэйин онгосто-онгосто... этэн чоргутар... Кый үрдүгүнэн үөрүн сүтэрбит туруйа тулаайахсыыбыт куолаһынан энэлгэннээхтик турууктаан ааһар...») [4, с. 325]. Рассказ имеет открытый финал: «Грустно, очень грустно стало Косте. Из головы у него не выходили черные глаза Катерины...» («Костя олус туоххаһыйда, хайыан да булбата. Кэтириис ыас-хара харахтара өйүттэн арахпаттар, бииргэм субу кинини курдаттыы көрөргө дылылар...») [4, с. 325].

В малой прозе А. Федорова широко представлена морально-этическая проблематика. Писателю претили проявления мещанства, лицемерия, эгоизма, авторитарной морали. Не случайно в одном из писем В. Гольдерову он утверждал, что «настоящее искусство не должно игнорировать недостатки жизни и ограничиваться лишь изображением ее положительных сторон»: «Анардас үчүгэйи эрэ көрдөөн, куһаҕаны, итэбэһи тумна-тумна, наар кизэргэтэн, кырааскалаан көрдөрөр искусство, ама, дынгнээх искусство аатырыа дуо?» [3, с. 201]. Например, в рассказе «Печник» («Охохчут») супруга небольшого начальника Фекла Сергеевна демонстрирует мещанское высокомерие по отношению к простому рабочему Захару, когда он клал печь в их доме. Под стать ей сынок Коля, презирающий «пыльную работу», но он дружит с дочерью печника Соней. В разговоре с подругой Фекла Сергеевна заочно хвалит ее, называет «хорошенькой девочкой», «отличницей», правда, оговаривается, что ее родители «какие-то темные люди» («биир үчүгэйкээн кыыһы кытта добордохор, үөрэбэр отличница үһү... Арай дьоно ханнык эрэ

харага дьон үһүлэр») [4, с. 157]. Однажды Соня повела отца в театр, и там произошла их встреча с Феклой Сергеевной. Захар был в новом костюме, и сначала она не узнала его. Но когда Коля познакомил их, произошла немая сцена почти по Гоголю. Не случайно спектакль был по «Ревизору». Е. В. Федоров сравнил ситуацию рассказа «Печник» с фольклорной историей, когда бедного человека в лохмотьях в доме богача не позвали к столу, а когда он предстал в нарядном одеянии, наперебой стали потчевать изысканными яствами [2, с. 75].

В крайне иронической интерпретации предстает Роман, герой рассказа «Желтый цвет» («Саһархай өн»). На первый взгляд, он вполне благополучный человек: по профессии бухгалтер, жена Люба учительница, у них трое детей. Как-то осенью, в сентябре, когда кроны деревьев пожелтели, цветы завяли, Роман собрался на курорт. Перед отъездом он подарил жене шелковую ткань желтого цвета, которая ей не понравилась. Вскоре Люба получила известие, что ее муж «тяжело заболел», через несколько дней последовала телеграмма о том, что он скорострительно «умер». На самом деле Роман завел «курортный роман» и решил оставить семью. Через два года Любе удалось поехать в Крым. Там однажды, проходя мимо большой черной машины, она услышала знакомый голос. Тут же из нее выбрались живой, здоровый Роман вместе с девицей в желтом платье. Люба почувствовала, что «проваливается в какой-то желтовато-серый туман» («Люба саһархай долгунга умсан эрэгэ дылы») [4, с. 300]. Очнувшись она в больнице и буквально на другой день улетела домой. Желтый цвет стал для нее цветом измены.

Проблему отцов и детей писатель ставит в рассказе «Сыновья» («Төрөппүт уолаттара»). У старой Матрены два сына – Прокопий и Павел. Ее муж рано умер, поэтому она одна поднимала сыновей. Дать образование удалось только Прокопию, теперь он занимает ответственную должность в городе. Матрена живет в деревне вместе с Павлом, у него четверо детей, работает он один. Семья испытывает нужду, у детей нет приличной одежды, игрушек. Прокопий давно забыл о брате и матери. Повествователь сочувствует Матрене, страдающей из-за разлада между сыновьями. Она решает съездить в город, но сталкивается с холодным приемом. Невестка Капа встретила Матрену весьма сухо, выразила недовольство гостинцем, запретила ей прикасаться к внуку, который назвал ее «бабой-ягой». К тому же по пути в город она простудилась и попала в больницу. Матрену никто не навещал, пока не приехал Павел, узнав о ее болезни. На последние деньги она велела купить внукам мячик в подарок и в качестве завещания попросила Павла не ссориться с братом, который, может быть, поможет получить образование его детям.

В рассказе «Пот пролитый, что золото» («Көмүс көлөһүн») возникает традиционная дилемма – любовь или долг, чувство или разум. Бухгалтер Леонид ведет учет каждой трудовой копейки, заработанной колхозниками в поте лица. А пот этот, что золото! Он собирается жениться на доярке Лизе, и они уже строят планы на будущее. Подсчитывая колхозные доходы, Леонид обнаружил, что уже несколько лет не приносит прибыли коневодческая бригада, которой руководил Яков, отец Лизы. Только за последний год у двадцати кобыл случились выкидыши. По мнению ветеринара, это происходило из-за неправильного ухода: осенью, как только начинались заморозки, лошадей загоняли в огороженные луга, чтобы они в поисках корма не провалились бы под лед. Там трава уже была сухая, жухлая, к тому же пастбища насквозь продувались холодными ветрами. Лошади голодали, мерзли, и в результате происходили выкидыши. Леонид предложил поставить вопрос на общем собрании. Лиза попыталась уговорить его не докладывать о понесенных убытках, пожалеть отца, но он заявил, что не может пойти против своей совести. Она тоже сказала, что не предаст своего отца, который один вырастил ее и ни в чем не отказывал, а вчера он заплакал от бессилия. Кто из них прав – Леонид с его этактической позицией или Лиза с ее человеческой моралью – вопрос остался открытым.

Глубоким психологизмом проникнут рассказ «Я не забуду тебя, Уренча!» («Умнубаппын. Эвенки сэһэн»), построенный как исповедь старого эвенка. На склоне лет герой

вспоминает историю своей трагической любви. В молодости он жил и охотился на берегах Индигирки. Однажды охотник с высокой горы увидел у реки урасу, покрытую шкурами белых оленей. Около нее стояла стройная девушка со шкурой голубого песка в руках. Здесь жили Уренча со своим старым отцом. Они приветливо встретили гостя, угостили его жирным оленьим мясом. На стене урасы висели песцовые шкуры. «Дочки моей, Уренчи, добыча. Она охотница!», – гордо сказал отец. Во время летнего праздника эвенков герой снова встретил Уренчу, танцевал с ней «сээдьэ», любовался ее плавной походкой, черными глазами. В тот год была удачная охота, и он разложил около своей урасы много лисьих, песцовых, беличьих шкур. У Уренчи тоже было много добычи, и, решив впредь охотиться сообща, они сложили свою пушнину в одну кучу, которая оказалась намного больше, чем у других охотников. Тут к берегу пристала шхуна, и с нее сошли американские купцы. Хозяева любезно встретили их, угостили национальными яствами. Потом американцы угостили эвенков «огненной водой». Что произошло дальше, охотник не помнил. На другое утро выяснилось, что купцы забрали за свое «угощение» всю пушнину. Обманутые эвенки устроили погоню за ними, догнали их и потребовали вернуть меха. Дело дошло до стрельбы. Храбрая Уренча тоже участвовала в погоне и сражалась рядом с мужчинами. Многие эвенки тогда погибли, среди них была и Уренча. Рассказ старого охотника сопровождается картинками и образами природы. *«Каждую весну я поднимаюсь на скалу, что возвышается над Индигиркой, – говорит он. – Там лучше вспоминаются далекие, невозвратные годы. В поднебесьи с громким, протяжным курлыканием летят журавли. А мне кажется, что это ты, Уренча, подаешь свой нежный, воркующий голос. В сверкающих бликах безоблачного дня видится милое, дорогое лицо твое, Уренча. На берегах реки уже зазеленели травы и ягельники. А мне представляется, что это ты раскинула там нарядные одежды, которые надевала на праздники... Уренча, подруга моя! Сколько я должен был сказать тебе и не успел...»* («Саас Индигир өрүһэ көмүөл мууһун үлтү сынньан, үрүг күүгэннэринэн ыһахтанан, күрүлүү уһуннабына, мин туруук тааска тахсаммын эн биһикки эдэр оҕо сааспытын эргитэ саныбын. Кый халлаан кырсынан кыталык үөрэ кырыымпалыы ыллаан аастабына, эн кэрэ чуор куоласкын саныбын. Үрүг күн күлүмүрдүү тыктабына, эн сардангалаах мичээрдээх ыраас сирэйгин көрөр курдукпун. Лабыкта, намчы от Индигир кытылын бүрүйдэбинэ, ийэ сирим ньуурун эн симэхтээх танаскар ханыылыы көрөбүн... Үрэнчэ, мин күндү доборум! Эйиэхэ элбэҕи да эппэтэхпин...») [4, с. 174].

Как известно, у А. Федорова, пожалуй, в большей степени, чем у Н. Габышева, были причины предъявить претензии к существующему режиму. Но едва ли не единственный случай протеста, да и то в косвенной форме, имел место в рассказе «Без вести» («Сураҕа суох»). Герой рассказа Наум Петрович, шестидесятилетний мужчина, приехал в родные края спустя тридцать лет. Он хотел остановиться у брата, но тот, как оказалось, умер три года назад. Водитель, который его привез, предложил переночевать у него. Его пожилая мать узнала Наума Петровича, это была Маайыс, с которой в молодости он тайно встречался. Когда уезжал в город, она его провожала. Наум Петрович стал работать надзирателем в тюрьме. Маайыс, не дождавшись его, вышла замуж за председателя ревкома Никиту Оготоева. Потом его репрессировали и заточили в тюрьму. Когда Маайыс с маленьким ребенком на руках пришла повидаться с мужем, Наум Петрович прогнал ее. Так он «самоутверждался, демонстрируя свою власть над беззащитными людьми» («Кини бардамсыйарын, дьону ыгарын-түүрэрин таптыыр этэ. Дьон куттаммыт сирэийн көрөрүттэн күүстээх курдук сананара») [4, с. 337]. Оготоев умер в тюрьме, впоследствии он был реабилитирован. Теперь, узнав Маайыс, Наум Петрович предпочел трусливо ретироваться. Ночь он провел на кладбище, рядом с памятником Никите Павловичу Оготоеву, «одному из славных сыновей народа саха, боровшемуся за установление Советской власти в Якутии» («Саха сиригэр Советскай былаас кыйарын иһин охсуспут саха биир чулуу уолугар») [4, с. 337].

В рассказах А. Федорова последних лет жизни углубилось его искусство создания художественных образов. В поле его зрения находились не яркие, исключительные характеры, а, напротив, простые, заурядные люди, изображенные в обычных, естественных условиях. Его герои не вырваны из потока жизни, наоборот, они зафиксированы в процессе каждодневного бытия. То есть, специфической особенностью творческого метода писателя явилось стремление через самые простые и незначительные события повседневности показать сложность и значительность жизни.

Этой принципиальной установке подчинены структурно-композиционные элементы его рассказов, которые фактически лишены таких традиционных атрибутов, как экспозиция и развязка. Отличительной чертой композиции рассказов якутского писателя, типологически связанной с малой прозой Чехова, является также «сюжетно-фабульная незавершенность при законченности идейной авторской концепции» [7, с. 10]. Речь идет о так называемых «открытых финалах», характерных для таких рассказов, как «Пот пролитый, что золото», «По зову сердца», «Долгожданный вечер», «Стремление», «Сыновья», «Без вести» и др.

Заключение

А. Федоров зарекомендовал себя как большой мастер малой прозы. В его жанровой системе представлены разные формы: от бытовых историй до сюжетных новелл, от небольших зарисовок, этюдов очеркового характера до психологических рассказов. В них «проявилась не только тонкая наблюдательность и умение художественно обобщать явления действительности в виде живых человеческих характеров и реальных картин, но и стремление к лаконичности в изображении людей и фактов жизни» [6, с. 115].

Эволюция А. Федорова как художника слова во многом идентична логике творчества Н. Мординова или Софр. Данилова: начав с малых жанров прозы, он постепенно перешел к крупным эпическим формам – повестям и роману. Но трагическая судьба и тяжелая болезнь не позволили ему полностью реализовать огромный талант.

Л и т е р а т у р а

1. Габышев, Н. А. А. Федоров / Федоров А. И. // Талыллыбыт айымньылар. Маннайгы том. Кэпсээннэр. – Якутскай : Кинигэ издательствота, 1961; Габышев Н. О якутском рассказе // Якутские рассказы. – Якутск : Книжное издательство, 1962; Романенко Д. Якутские рассказы // Дальний Восток. – 1966. – № 1.
2. Федоров, Е. В. Творчество Афанасия Федорова / Е. В. Федоров. – Якутск : Книжное издательство, 1973. – 115 с.
3. Гольдеров, В. Ф. Умнуллубат онус кылаас / В. Ф. Гольдеров. – Дьокуускай : Бичик, 2002. – 224 с.
4. Федоров, А. И. Талыллыбыт айымньылар : 2 томнаах / А. И. Федоров. – Дьокуускай : Кинигэ издательствота, 1961-1962.
5. Амма Аччыгыя. Киһи уонна айымньы / Амма Аччыгыя. – Якутскай : Кинигэ издательствота, 1975. – 418 с.
6. Боесков, Г. К. Развитие жанров прозы в якутской советской литературе / Г. К. Боесков. – Якутск : Книжное издательство, 1961. – 309 с.
7. Фортунатов, Н. М. Особенности построения чеховской новеллы (К проблеме художественного метода А. П. Чехова) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Фортунатов Николай Михайлович. – Москва, 1979.

References

1. Gabyshev, N. A. A. Fedorov / Fedorov A. I. // Talylybyt ajymn'ylar. Mannajgy tom. Kepsennner. – Yakutskaj : Kinige izdatel'stvota, 1961; Gabyshev N. O yakutskom rasskaze // Yakutskie rassказы. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1962; Romanenko D. Yakutskie rassказы // Dal'nij Vostok. – 1966. – № 1.
2. Fedorov, E. V. Tvorchestvo Afanasiya Fedorova / E. V. Fedorov. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1973. – 115 s.

3. Gol'derov, V. F. Umnulubat onus kylaas / V. F. Gol'derov. – D'okuuskaj : Bichik, 2002. – 224 s.
4. Fedorov, A. I. Talylybyt ajymn'ylar : 2 tomnaah / A. I. Fedorov. – D'okuuskaj : Kinige izdatel'stvota, 1961-1962.
5. Amma Achchygyja. Kih uonna ajymn'y / Amma Achchygyja. – YAkutskaj : Kinige izdatel'stvota, 1975. – 418 s.
6. Boeskorov, G. K. Razvitie zhanrov prozy v yakutskoj sovetской literature / G. K. Boeskorov. – Yakutsk : Knizhnoe izdatel'stvo, 1961. – 309 s.
7. Fortunatov, N. M. Osobennosti postroeniya chekhovskoj novelly (K probleme hudozhestvennogo metoda A. P. Chekhova) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk / Fortunatov Nikolaj Mihajlovich. – Moskva, 1979.

БУРЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.